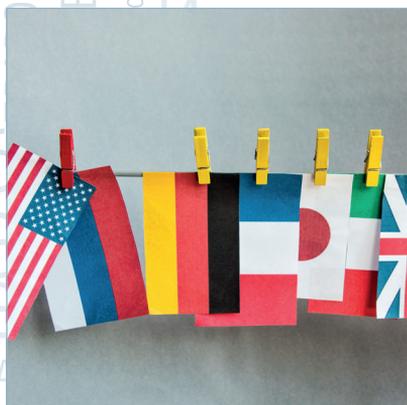

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**ПОЧЕМУ «СЕМЕРКА» НЕ СТАЛА
«ВОСЬМЕРКОЙ» ИЛИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ
ОТНОШЕНИЙ МОСКВЫ И «ГРУППЫ СЕМИ»**

№ 47 / 2019

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2019

УДК 327.7(4/7)G7:327(470+571)

ББК 66.4(4/7),61+66.4(2Рос),3

К69

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Автор:

канд. ист. наук **А.В. КОРТУНОВ**

Выпускающий редактор:

канд. полит. наук **Т.А. МАХМУТОВ**

К69 **Кортунов, А.В.**

Почему «семерка» не стала «восьмеркой» или тридцать лет отношений Москвы и «Группы семи» (драма в трех актах с прологом и эпилогом): рабочая тетрадь № 47/2019 [А.В. Кортунов; гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2019. – 36 с. Авт. и ред. указаны на обороте тит. л. – 978-5-6042566-7-1

И. Иванов, И. С, ред.

Рабочая тетрадь посвящена анализу отношений России и «Большой семерки». Автор рассматривает историю этих отношений, поделив ее на несколько этапов, дает экспертную оценку нынешнему положению дел. Отдельное внимание уделяется обсуждению перспективы возвращения России в «Группу восьми» и ее потенциальной роли в рамках этой организации.

УДК 327.7(4/7)G7:327(470+571)

ББК 66.4(4/7),61+66.4(2Рос),3

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper47

Содержание

Предисловие	4
Пролог (1989–1991 гг.)	8
Акт первый — от статуса наблюдателя к постоянному членству (1991–1997 гг.)	10
Акт второй: от членства к председательству (1997–2006 гг.)	15
Акт третий: между «восьмеркой» и «двадцаткой» (2006–2014 гг.)	22
Эпилог (2014–2019 гг.)	29
Об авторе	35

Предисловие

Как-то в начале осени 2013 г. мне позвонил старый товарищ и бывший коллега по Институту США и Канады Академии Наук СССР Алексей Квасов. В 2013 г. он работал заместителем начальника экспертного управления Администрации Президента России и по совместительству выполнял обязанности российского шерпы в G8. Я получил от него приглашение войти в рабочую группу, созданную для подготовки российского председательства в «Группе восьми». Юбилейный, сороковой саммит «восьмерки» должен был пройти 4–5 июня 2014 г. в Сочи, и, конечно, этому событию в Кремле придавали большое значение. От подобных предложений отказываться не принято, к тому же в списке предполагаемых членов группы я увидел фамилии нескольких близких друзей и единомышленников.

Наша задача облегчалась тем, что только что (в начале сентября 2013 г.) в Санкт-Петербурге прошел саммит «Группы двадцати», а в 2012 г. Россия принимала во Владивостоке саммит АТЭС. Российский совет по международным делам привлекался к подготовке обеих встреч, особенно активно — к экспертно-аналитическому сопровождению саммита АТЭС¹. При всех различиях между G8, G20 и АТЭС, основные алгоритмы работы над документами многосторонних саммитов были схожими, да и содержательные повестки дня, в значительной мере, пересекались. Кроме того, у многих из нас еще не изгладилась воспоминания о первом российском председательстве в «Группе восьми», более чем успешно проведенном в Санкт-Петербурге в 2006 г.

Мой личный опыт работы по формату G7/G8 включал также эпизодическое участие в подготовке визитов Б. Н. Ельцина на саммиты «Группы семи» в середине 90-х гг. прошлого века. Особенно яркие воспоминания у меня остались от работы экспертной группы в конце весны — начале лета 1995 г., когда под руководством тогдашнего помощника Бориса Ельцина по национальной безопасности Юрия Батурина мы готовили материалы для поездки российского президента в Галифакс (Канада), где предстояло обсуждение вопросов реформы МВФ и Всемирного Банка. В 1995 г. Россия, конечно, не имела возможностей полноценно участвовать в таком обсуждении, и перед нами ставилась куда более скромная цель — обосновать необходимость содействия лидеров G7 в возвращении в Россию незаконно вывезенных из нее в первой половине 1990-х гг. капиталов, осевших преимущественно в странах «семерки». Впрочем, даже эта цель оказалась в итоге недостижимой — серьезного разговора о репатриации выведенных за границу российских капиталов в Галифаксе так и не состоялось.

Спустя два десятилетия Россия подходила к своему второму домашнему саммиту G8 уже как полноценный член «восьмерки» с большим опытом уча-

¹ Основные выводы и рекомендации Первого азиатско-тихоокеанского форума, проведенного Российским советом по международным делам и Российским центром исследований АТЭС 28–29 ноября 2011 г., открыли серию научных докладов РСМД. См.: Интересы России в азиатско-тихоокеанском регионе: безопасность и развитие. Итоги первого азиатско-тихоокеанского форума. РСМД, РЦИ АТЭС. М.: Издательство «Проспект». 2012. С. 33.
URL: <https://www.russiancouncil.ru/activity/publications/interesny-russii-v-aziatsko-tikhoookeanskom-regione-bezopasnos>

ствия в работе этого престижного международного клуба. Сочинскую встречу «Группы восьми» 2014 г. было решено провести под девизом «Управление рисками для обеспечения устойчивого роста в безопасном мире». Завершившийся бурный 2013 г. давал поводы для алармистских прогнозов на следующий год: достаточно вспомнить разоблачения Эдварда Сноудена, свержение египетскими военными президента Мухаммеда Мурси, применение химического оружия в Сирии, атаку исламских радикалов в Найроби и теракт на бостонском марафоне, усиление напряженности в отношениях между Россией и Европейским союзом по поводу переговоров об ассоциации Украины с ЕС. С другой стороны, осенью 2013 г. отношения между Россией и Западом еще балансировали на грани конфронтации и сотрудничества, и проведение саммита G7 на своей территории, казалось, давало шанс сместить этот хрупкий баланс в сторону сотрудничества.

Через призму «управления рисками» предполагалось обсудить приоритетные темы российского председательства, включая борьбу с растущей наркоугрозой и укрепление международно-правового режима контроля за наркотиками, формирование глобальной системы управления рисками природных и антропогенных катастроф, использование интегрированного подхода к рассмотрению проблематики управления глобальными рисками здоровью. В 2014 г. планировалось выйти на новые решения в таких традиционных сферах интересов «восьмерки» как сотрудничество в противодействии терроризму и экстремизму, разрешение региональных конфликтов, включая согласование единых принципов их мирного урегулирования и постконфликтного восстановления.

Среди других тем, поднимавшихся на рабочей группе осенью – зимой 2013 г., запомнились проблемы миграций (хотя до эпического миграционного кризиса, потрясшего Европу, оставалось еще полтора года), повышение открытости информации органов государственного и муниципального управления, укрепление продовольственной безопасности, вопросы развития партнерства с Африкой в целях ускорения социально-экономического развития континента, механизмы дальнейшего продвижения целей и принципов Довильского партнерства «восьмерки» с арабскими государствами, уже тогда вступившими в период политической и экономической трансформации. Предметом острых экспертных споров стали вопросы общего состояния мировой экономики, преодоления рисков спада экономической активности, роста безработицы, протекционизма в торговле и инвестициях.

На протяжении нескольких месяцев члены рабочей группы были вовлечены в увлекательные дискуссии не только друг с другом, но и с чиновниками Министерства иностранных дел, Министерства финансов, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, с представителями других министерств и ведомств, задействованных в подготовке саммита. В Москву потянулись эксперты из других стран «восьмерки», представители международных организаций и гражданского общества, лоббирующие включение тех или иных пунктов в повестку дня саммита. Вокруг отдельных формулировок готовящихся документов завязались упорные политические и бюро-

кратические сражения, складывались и распадались коалиции, плелись интриги, выстраивались и рушились хитроумные многоходовые комбинации. В штабе подготовки саммита жизнь была ключом².

Как это часто бывает, все завершилось не так, как мы надеялись, и намного быстрее, чем мы ожидали. Украинский кризис поставил жирную точку и в деятельности нашей рабочей группы, и в истории членства России в G8 как такового. Когда в середине марта 2014 г. работа группы была заморожена, еще сохранялись надежды, что речь идет о временной приостановке, что какой-то компромисс между Москвой и западными членами «восьмерки» еще возможен. Ни мы, ни наши западные коллеги не хотели верить, что наша работа больше не окажется востребованной. Но уже в начале лета, после саммита в Брюсселе, впервые за двадцать лет прошедшего в формате «семерки», стало окончательно ясно — возвращения к прошлому не будет, и многолетний эксперимент по превращению «Группы семи» в «Группу восьми» окончился неудачей.

История взаимодействия России и «Группы семи/восьми» на протяжении почти трех десятилетий — наверное, одна из самых ярких иллюстраций всей сложности, неоднозначности и эмоциональной напряженности в отношениях между посткоммунистической Россией и Западом в целом. Конечно, после распада Советского Союза Россия вступала в разные международные структуры — от Совета Европы до Всемирной торговой организации. Москва участвовала и в создании новых институтов вместе со своими западными партнерами, включая ОБСЕ и Совет Россия — НАТО. Но трудно найти другую, столь же заметную организацию, которая в такой же степени, как G7/G8, отражала бы дух «коллективного Запада» — в том виде, в котором этот Запад существовал на рубеже XX и XXI вв.

Поэтому принятие России в G7 в 1997 г. стало символическим знаком вхождения Москвы в состав «коллективного Запада»³, а отказ «семерки» от проведения очередного саммита G8 в Сочи в 2014 г. — столь же символическим знаком отлучения Москвы от этого «коллективного Запада». Россия и «Группа семи» — тема для исторической пьесы с лихо закрученной интригой, пышными декорациями, яркими характерами и трагической развязкой.

Не претендуя на полноту и объективность изложения, автор хотел бы кратко обозначить основные сюжетные линии этой драмы. Разумеется,

² В РСМД подготовлены экспертные предложения по повестке дня саммита «Большой восьмерки» в 2014 году // РСМД. 22.10.2013.

URL: https://russiancouncil.ru/news/v-rsmd-podgotovleny-ekspertnye-predlozheniya-po-povestke-dnya/?sphrase_id=27256398

³ Символическое значение вхождения России в G7 неизменно подчеркивалось российскими официальными лицами. Например, заместитель Министра иностранных дел А.Ю. Мешков в 2003 г. писал: «Формирование «большой восьмерки» с участием России можно уверенно отнести к самым ярким символам преодоления политико-идеологического раскола мира времен холодной войны. Оно убедительно подтверждает кардинальные изменения на международной арене, качественно новый характер наших отношений со странами-партнерами, а также масштабность и прочность демократических преобразований и экономических реформ в России». См.: Мешков А.Ю. «Большая восьмерка» не должна подменять ООН // Независимая газета. 22.05.2003.

URL: http://www.mid.ru/web/guest/mezhdunarodnye-ekonomiceskie-forumy/-/asset_publisher/MgP0QsN4ZAF2/content/id/519982

все изложенное ниже представляет собой субъективный взгляд с российской стороны; со стороны Запада данная история смотрится, несомненно, несколько по-другому. Критический ретроспективный разбор западных оценок отношений Москвы и «Группы семи» требует отдельного серьезного исследования.

Пролог (1989–1991 гг.)

С самого начала существования «семерки», то есть с середины 70-х гг. прошлого века, вокруг нее в Советском Союзе, а затем и в России сложилось немало стереотипов, предрассудков и мифологии. Причем спектр мифологических представлений всегда был крайне широким. На одном его полюсе находились «конспирологи» — те, кто считал «Группу семи» чуть ли не главным механизмом управления западным миром, своего рода неформальным центральным штабом по разработке долгосрочных стратегий и принятию конкретных решений по самым важным вопросам международной жизни. Другой полюс составляли «нигилисты», объявлявшие G7 чем-то вроде светского клуба уважаемых джентльменов, которые, может быть, и действительно обсуждают важные проблемы мировой политики, но никаких решений не принимают и никаких взаимных обязательств на себя не берут.

Насколько можно судить, по своей численности и влиянию «конспирологи» существенно превосходили «нигилистов». Поэтому желание подключиться к работе «Группы семи» появилось в Москве еще до распада СССР и возникновения независимой России. В своих воспоминаниях «Жизнь и реформы»⁴ бывший советский лидер Михаил Горбачев относит начало диалога между Москвой и «семеркой» к началу 1989 г., когда с советской стороны впервые прозвучало предложение о налаживании сотрудничества с Западом в формате подключения СССР к саммитам G7. Вероятно, эта идея окончательно оформилась после визита в Москву представительной делегации Трехсторонней комиссии в январе 1989 г., получившей продолжительную аудиенцию у советского руководителя. О полноценном членстве СССР в «семерке» речи, конечно, не шло — Советский Союз (а, точнее, еще существовавший в начале 1989 г. мировой социалистический лагерь) рассматривался как равноправный партнер «Группы семи», а не как кандидат на вступление в группу.

Москва пыталась каким-то образом повлиять на повестку дня встречи G7 в июле 1989 г. в Париже, и Михаил Горбачев даже направил соответствующее обращение к Франсуа Миттерану. Но в фокусе внимания участников французского саммита «Группы семи» оказались драматические события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, а советская проблематика отошла на задний план. Следующая встреча «семерки» (июль 1990 г., Хьюстон, США) прошла под знаком политических и экономических сдвигов в странах Центральной Европы, что и предопределило приоритеты обсуждений в Техасе.

Кроме того, в 1989–1990 гг. на Западе еще сохранялись серьезные сомнения в последовательности и необратимости советских реформ, а потому лидеры «семерки» проявляли осторожность в своей поддержке инициатив М.С. Горбачева. Да и вообще, проблема, с которой столкнулась «Группа семи» в лице советской «перестройки», была беспрецедентной по масшта-

⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Воспоминания. М.: Новости. 1995. С. 600, 656.

бам и глубине, а потому было бы несправедливым упрекать западных лидеров в нерасторопности или в политической слепоте.

Только на встрече «семерки» в Лондоне в июле 1991 г. вопрос о сотрудничестве с Советским Союзом был поставлен как один из основных пунктов повестки дня. Принято считать, что главным лоббистом приглашения Советского Союза в Лондон выступила британский премьер-министр Маргарет Тэтчер, ссылавшаяся на «конструктивное поведение» СССР, в частности, во время конфликта западной коалиции с Ираком 1990 г. (хотя к моменту проведения саммита М. Тэтчер уже находилась в вынужденной отставке, уступив в ноябре 1990 г. место премьера Джону Мэйджору).

Советский руководитель формально не был участником саммита как такового, но он провел протяженную содержательную встречу с лидерами «семерки», как всеми вместе, так и в двустороннем режиме, представив детальные планы политических и экономических реформ в стране⁵. Переговоры в Великобритании при других обстоятельствах можно было бы расценивать как существенный успех личной дипломатии советского лидера⁶. Однако буквально через месяц после возвращения Михаила Горбачева из Лондона в Москве произошел путч, и стратегические расчеты советского руководства утратили свою актуальность. Вопрос о практическом подключении Москвы к работе «семерки» был отложен на несколько лет.

Хотел ли последний советский президент использовать механизм G7 для совместного с Западом строительства нового мирового порядка? Такие идеи могли приходить ему в голову в начале 1989 г., когда социально-экономический и политический кризис в СССР еще только начинал расшатывать несущие опоры советского государства. Но летом 1991 г. ни о каком «совместном строительстве» уже не могло идти речи — Михаил Горбачев приехал в Лондон не как полноценный партнер Запада, а как проситель, надеющийся найти на Западе поддержку в деле спасения разваливающейся страны. Однако процесс распада к этому моменту зашел слишком далеко, и ни политическая поддержка со стороны западных лидеров, ни дополнительные иностранные финансовые инъекции уже не могли обратить этот процесс вспять или хотя бы замедлить его.

История сказала свое слово — через полгода после визита Михаила Горбачева на саммит «семерки» Советский Союз прекратил свое существование. Лидерам «семерки» пришлось взаимодействовать с совершенно другими партнерами, разительно отличавшимися от своих советских предшественников.

⁵ Любопытно, что, хотя СССР не был принят в члены G7, М.С. Горбачев утвердил позицию «советского шерпы» для подготовки встречи в Лондоне. Этим шерпой стал близкий к президенту Е. М. Примаков, который потом описал свою работу в книге воспоминаний: Примаков Е.М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2007.

⁶ Одним из свидетельств этого успеха можно считать последовавший вскоре после саммита «семерки» в Лондоне визит президента США Дж. Буша-старшего в СССР в конце июля – начале августа 1991 г., когда, выступая в Киеве, американский лидер решительно высказался в поддержку М.С. Горбачева и предупредил относительно опасностей «самоубийственного национализма, основанного на этнической ненависти» (т. н. «Chicken Kiev Speech»).

Акт первый — от статуса наблюдателя к постоянному членству (1991–1997 гг.)

В отличие от Михаила Горбачева, Борис Ельцин сразу же сделал вопрос о членстве России в «Группе семи» одним из своих внешнеполитических приоритетов. Руководство новой России проявило немалую энергию и настойчивость, предприняв первую попытку прорваться в члены G7 уже в следующем 1992 г. Главная ставка была сделана на взаимодействие с американцами, и в итоге идею членства Москвы в «семерке» озвучил на Мюнхенском саммите (июль 1992 г.) президент США Дж. Буш-старший. Предложение о российском членстве было рассмотрено и отвергнуто на том основании, что Россия не отвечала ни одному из критериев, предъявляемых к индустриально развитым экономикам и, соответственно, не могла нести ответственности за выполнение решений, принимаемых «семеркой».

Тем не менее «на полях» Мюнхенского саммита состоялась встреча лидеров «семерки» с Борисом Ельциным в формате «7+1», на которой было одобрено выделение России кредитов МВФ и поддержано предложение о реструктуризации советских долгов⁷. Несмотря на отказ в полноценном членстве, итоги Мюнхенского саммита оценивались в Москве как позитивные, открывающие возможности для последовательной интеграции посткоммунистической России в мировую экономическую и политическую системы⁸.

Можно предположить, что, акцентируя внимание на взаимодействии с «семеркой», российское руководство преследовало как минимум три цели. Во-первых, очевидным российским приоритетом было облегчение решения ситуативных задач — доступ к финансовой и технической помощи Запада, реструктуризация советских долгов, борьба с дискриминацией российских товаров, признание России в качестве страны с рыночной экономикой, скорейшее вхождение в Парижский клуб кредиторов, в ВТО и в ОЭСР.

Во-вторых, сотрудничество с «Группой семи» рассматривалось российскими политиками как наилучшая из всех доступных компенсаций Москве за неспособность или неготовность России, в отличие от многих из своих бывших социалистических союзников в Европе, реально претендовать на членство в НАТО или в Евросоюзе. То есть политический символизм для Бориса Ельцина в данном случае был не менее важен, чем возможности практического использования механизма G7 для реализации ближайших российских интересов.

⁷ «Семерка» не стала «восьмеркой» // Российская газета. 09.07.1992.
URL: <https://www.rg.ru/1992/07/09/semerka.html>

⁸ Впоследствии официальный представитель МИД России отмечал, что на протяжении 90-х гг. G7/G8 содействовала выделению Москве кредитов на сумму 93 млрд долл. и реструктуризации долгов в размере 78 млрд долл. Кроме того, в рамках G8 была разработана программа Глобального партнерства, направленная на оказание помощи России в ликвидации химического оружия и списанных подводных лодок в объеме 20 млрд долл. См.: Три года на подготовку. Интервью Посла по особым поручениям МИД России В.Б. Лукова // Российская газета. 13.01.2003.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/536466

В-третьих, для реформаторов-технократов, сменявших друг друга в администрации Ельцина, членство в «Группе семи» (так же как, например, членство в Совете Европы) было еще и способном подтолкнуть приоритетные для реформаторов внутренние реформы, придав им формат международных российских обязательств. Необходимость артикуляции российских позиций по отдельным пунктам повестки дня саммитов «семерки» была достаточно веским основанием для того, чтобы обеспечить ускорение громоздкой, неповоротливой и далеко не всегда компетентной российской бюрократической машины, гарантировать достижение главной цели — обеспечения необратимости экономических реформ и недопущения «коммунистического реванша». Той же тактикой реформаторы-технократы 1990-х гг. постоянно пользовались в выстраивании взаимодействия с другими международными организациями — Международным валютным фондом, Всемирным банком и даже с Советом Европы.

По всей видимости, все эти соображения, в той или иной мере, осознавались и учитывались политиками Запада, в первую очередь, американской администрацией Б. Клинтона. «Привязав» Россию к «семерке», западные лидеры старались поддержать и правительственных технократов, и самого Бориса Ельцина, крайне нуждавшегося в минимизации негативных политико-психологических реакций российского общества на распад СССР и неизбежное снижение статуса Москвы в мировой политике. Сотрудничество с Москвой в формате «семерки» стало относительно необременительным «утешительным призом», призванным хоть частично компенсировать продвижение западного влияния на страны и территории, ранее входившие в советскую сферу интересов.

Кроме того, участие Б.Н. Ельцина во встречах «семерки» должно было ускорить решение важных для Запада практических задач — в первую очередь, вывода советских войск с территорий стран Центральной Европы и Балтии. Тем более, что в начале 1990-х гг. на Западе не могли полностью исключить скорого политического поражения Ельцина и прихода к власти в Москве гораздо менее настроенного на сотрудничество режима. Не меньшее значение имело и стремление не допустить утечек советских ядерных технологий, а тем более — компонентов оружия массового уничтожения из России в нестабильные регионы мира.

Именно в этих целях и был создан особый порядок вхождения России в «Группу семи» — статусные моменты неизменно обгоняли реальные возможности ельцинского руководства стать полноценным участником работы G7 на всех ее направлениях. Можно сказать, что обе стороны стремились проявить максимальную гибкость и конструктивную неопределенность (*constructive ambiguity*) при взаимной «притирке», что в итоге и позволило интегрировать Россию в G7 в исторически сжатые сроки⁹. Помогло и то, что в рамках «семерки», в отличие, скажем, от Евросоюза и ВТО, никаких

⁹ Если вступление Москвы в члены «семерки» заняло около пяти лет, то переговоры о вхождении России в ВТО, на которых обсуждались не символические, а прикладные проблемы, растянулись на восемнадцать лет. Весьма длительным оказался и процесс вхождения России в ОЭСР, который был «временно приостановлен» в марте 2014 г.

детально прописанных механизмов приема новых членов так и не сложилось, никаких процедур ратификации или иной формы утверждения таких решений не возникло, а потому имевшимся оппонентам членства России в «семерке» просто негде было развернуться.

Разумеется, на протяжении 1990-х гг. на Западе были и вполне искренние надежды на то, что рано или поздно Россия станет в полной мере «западным» государством, и ее участие в G7 не будет принципиально отличаться от участия Японии или Германии. Этими надеждами в какой-то мере объясняется то обстоятельство, что, настойчиво работая над интеграцией России, «семерка» никогда не прикладывала столь же настойчивых усилий для того, чтобы завербовать в свои ряды Китай; принципиальная несовместимость политического устройства Запада и Китая в 1990-х гг. была более чем очевидной. Насколько можно судить, не было также попыток включить в «семерку» Индию, хотя Индия часто фигурировала и по-прежнему фигурирует в западном дискурсе как «самая большая демократия в мире».

Впоследствии российские официальные лица высказывали мнение, что прием России в G7 также отражал желание членов «Группы семи» вдохнуть новую жизнь в организацию. «Когда “семерка” приглашала к сотрудничеству Россию, — говорил главный куратор “семерки” в МИД России посол Вадим Луков, — у наших партнеров был небезосновательный расчет на то, что Россия с ее прочными позициями в “третьем мире”, с ее позициями в Совете безопасности ООН и других международных структурах вдохнет новую жизнь в “Группу семи”, придаст ей динамику. То есть произойдет ее своеобразный ребрендинг»¹⁰.

Обоснованность подобных утверждений применительно к реальным международным возможностям России в начале 90-х гг. прошлого века вызывает определенные сомнения, но допустимо предположить, что лидеры «семерки» рассчитывали на рост российского внешнеполитического ресурса в среднесрочной и долгосрочной перспективах. При всех сложностях и неудобствах, связанных с интеграцией в «семерку» не вполне стабильной, не вполне демократической и не вполне «западной» России, этот процесс, как представляется, оказывал в целом позитивное воздействие на институциональное развитие группы. Участие нового партнера в работе G7/G8 способствовало появлению новых идей, укреплению дисциплины старых членов, повышению амбиций группы в целом. Примерно такой же мобилирующий эффект нередко производит приход грубоватого и неуклюжего мужлана — нового учителя физкультуры в утонченный и долгими годами спаянный женский коллектив преподавателей средней школы.

Вопрос о том, когда же Россия наконец стала полноценным членом «Группы восьми», не имеет однозначного ответа, поскольку «врастание» Москвы в деятельность G8 шло неравномерно в различных сферах. Например, на саммите 1994 г. в Неаполе (Италия) первое заседание проходило в формате

¹⁰ Интервью Посла по особым поручениям МИД России В. Б. Лукова // РИА Новости. 14.04.2014.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/mezhdunarodnye-ekonomiceskie-forumy/-/asset_publisher/MgP0QsN4ZAF2/content/id/64886

«семерки», а второе — в формате «восьмерки» с участием российского президента в качестве равноправного партнера. На саммите 1996 г. в Лионе (Франция) Б.Н. Ельцин участвовал уже в двух из трех состоявшихся заседаний. В российском официальном нарративе принято считать, что вхождение Москвы в полноправные члены G8 состоялось в Денвере (США) летом 1997 г.¹¹ При этом первым «полноценным» саммитом «Группы восьми» традиционно считается встреча «восьмерки» в Бирмингеме (Великобритания) летом 1998 г.

Что касается «окончательного подтверждения» нового статуса России в «Группе восьми», то такое подтверждение связывают с решением саммита в Кананаскисе (Канада, июнь 2002 г.) о передаче России в 2006 г. функций председателя «восьмерки». Вместе с тем можно согласиться с теми историками G8, которые считают, что окончательной интеграции России в этот элитарный клуб западных держав так и не произошло ни до 2006 г., ни после — некоторые важные вопросы (особенно в валютно-финансовой сфере) вплоть до 2014 г. продолжали обсуждаться в формате «семерки», а не «восьмерки». В любом женском коллективе есть свои маленькие тайны, к которым не допускаются даже самые близкие коллеги мужского пола.

В целом следует заключить, что, несмотря на последовательное продвижение Москвы к полноценному членству в «семерке», уже в ранний период взаимодействия России и «Группы семи» в этом взаимодействии наметились некоторые болевые точки. Запад оказался неготовым содержательно реагировать на опасения и недовольство Москвы — шла ли речь о расширении НАТО или о событиях на Балканах. От этих опасений и недовольства просто отмахивались, считая их проявлениями рудиментарного советского менталитета.

Стоит также отметить, что процесс интеграции России в «Группу семи» пришелся на период максимального усиления Соединенных Штатов в мировой политике, своего рода пик «однополярного момента». Поэтому попытки даже очень условной «демократизации» G7/G8, предпринимаемые российской дипломатией, не имели большого успеха. Соединенные Штаты сохраняли безусловное право вето не только на все сколько-нибудь серьезные решения, принимаемые группой, но даже на определение списка вопросов, подлежащих включению в повестку дня очередного саммита. Это в полной мере касалось и формата взаимодействия западных членов группы с Россией.

Вместо серьезного разговора по существу была избрана тактика символических шагов навстречу Москве, включающих в том числе и ускоренное получение Россией формального членства в «Группе семи». Учет российских интересов допускался лишь в тех областях, где они существенно не противоречили интересам старых членов «семерки». Те же вопросы, по

¹¹ См.: Интервью официального представителя МИД России А.В. Яковенко по проблематике участия России в «Группе восьми» // Интерфакс. 22.06.2005.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/mezhdunarodnye-ekonomiceskie-forumy/-/asset_publisher/MgP0QsN4ZAF2/content/id/434774

которым намечался конфликт интересов, передавались на усмотрение других организаций — НАТО, Европейскому союзу, МБРР, МВФ и пр., в которых Россия либо вообще не имела членства, либо была явным «миноритарным акционером». Как отмечал еще в 1998 г. российский исследователь А.Г. Арбатов, «сейчас, когда Россия слаба, политика выкручивания рук может позволить США и “большой семерке” достичь сиюминутных целей, но посеет семена обиды и разочарования, что вызовет лавину еще более серьезных противоречий и конфликтов между Россией и Западом в более отдаленной перспективе»¹².

¹² Арбатов А.Г. Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и международные отношения, 1998. № 5. С. 5–21; № 6. С. 5–19. Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия в 4 тт. М.: РОССПЭН. 2002. Т. 1. С. 261.

Акт второй: от членства к председательству (1997–2006 гг.)

Наверное, семь лет между получением членства и председательством в «Группе восьми» справедливо считать своеобразным «медовым месяцем» в отношении России с G8. В эти годы постепенной интеграции России в G8 данная международная структура рассматривалась Москвой не как инструмент сохранения привилегированных позиций «коллективного Запада» в уходящем однополярном мире (такая интерпретация появилась гораздо позже), но, напротив, как один из перспективных элементов формирующегося нового мирового порядка.

В частности, обращалось внимание на существенные отличия «Группы восьми» от большинства «традиционных» международных организаций, созданных после окончания второй мировой войны. Эти особенности, позволявшие G8 претендовать на особую, в чем-то уникальную роль в мировой политике начала XXI в., определялись следующим образом:

Во-первых, непосредственное личное участие национальных лидеров стран «восьмерки» и прямое общение лидеров друг с другом «поверх голов» чиновников и дипломатов. Российские лидеры традиционно придавали особое значение личному взаимодействию со своими западными коллегами, а механизм «восьмерки» предоставлял для этого идеальные условия.

Во-вторых, отсутствие жестких договорно-правовых или институциональных рамок, равно как и громоздкого и дорогостоящего международного бюрократического аппарата. В Москве часто с подозрением относились к международной бюрократии (например, к бюрократии Европейского союза), не всегда умели с этой бюрократией работать, а потому вполне могли считать отсутствие такого аппарата в «восьмерке» не недостатком, но, скорее, преимуществом.

В-третьих, особый статус принимаемых решений, имеющих морально-политический, а не международно-правовой характер и не требующих ратификации органами законодательной власти стран-участниц. Эта особенность «восьмерки» воспринималась менее однозначно в Москве, где традиционно большое значение придавали «юридически обязывающим» договоренностям. Тем не менее преимущества, связанные с возможностью оперативного принятия решений, в некоторых случаях перевешивали недостатки, вытекающие из отсутствия международно-правового оформления этих решений.

В-четвертых, отсутствие жесткого содержательного мандата, позволяющее переключаться с одной тематики на другую в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры и понимания лидерами «восьмерки» приоритетности международных проблем и вызовов. В условиях нестабильности мировой системы и множественности кризисных ситуаций эта особенность была существенным преимуществом группы.

В-пятых, реализация решений через взятие на себя членами «восьмерки» односторонних обязательств, а также продвижение принятых решений в международных организациях и в формате двусторонних договоренностей. В Москве надеялись, что многостороннее сотрудничество в формате «восьмерки» будет помогать России поднимать уровень двусторонних отношений и с отдельными членами G8¹³.

Таким образом, снимался вопрос о возможном параллелизме G8 и Совета Безопасности ООН, равно как и других международных организаций. Отмечалось, что «проблемный» подход «восьмерки» (problem focused approach) имеет важные преимущества по сравнению с традиционным «секторальным» подходом, позволяя преодолевать бюрократические барьеры, институциональную конкуренцию, процедурные сложности и давление лоббистских групп.

Конечно, для российского руководства особенно важным было то обстоятельство, что, хотя «Группа семи» и была создана в 70-х гг. XX в., в ее практической деятельности противостояние Запада и Востока никогда не занимало центрального места. Поэтому и советская критика «семерки» никогда не была столь ожесточенной, как, скажем, советская критика НАТО. Вхождение Москвы в «семерку» позволяло ставить вопрос не только об окончательном преодолении старых разделительных линий в Европе, но и о фактической консолидации «глобального Севера», объединенного общими ценностями, интересами и вызовами.

Выступая на пресс-конференции по итогам своего первого саммита «восьмерки» в июне 2000 г. на Окинаве (Япония), В.В. Путин подчеркнул значение этой организации в системе внешнеполитических приоритетов России: «Мы высоко ценим усилия этого форума. Полагаем, что он нашел свое место в системе международных связей. Этот форум не подменяет собой действующие на постоянной основе международные организации, а занимается глобальными вопросами, как бы готовит ряд вопросов для решения на международно-правовом уровне. Либо дает какие-то импульсы для их решения, создает условия для сотрудничества. И это крайне важно, в том числе и для России. Россия не хочет и не может оставаться в стороне от принятия этих решений. Нам нужно быть интегрированными во все структуры, где вырабатываются эти решения, касающиеся России. В этом смысле, конечно, Россия заинтересована и будет работать в рамках «восьмерки». Больше того, мы готовы расширить наше участие»¹⁴.

Естественно, что и при В.В. Путине, как ранее и при Б.Н. Ельцине, в России и на Западе продолжалась активная дискуссия на тему о том, в какой степени Москва соответствует критериям «полноценного члена» G8 и, соответст-

¹³ Три года на подготовку. Интервью Посла по особым поручениям МИД России В. Б. Лукова // Российская газета. 13.01.2003.

URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/536466

¹⁴ Путин В.В. Пресс-конференция по итогам встречи глав государств и правительств «Группы восьми». Япония, Окинава // Президент России. 23.07.2000.

URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21497>

венно, в какой мере российская сторона способна брать на себя обязательства по выполнению коллективных решений «восьмерки». Обосновывая правомерность полномасштабного включения страны в G8, российский президент приводил следующие аргументы: (1) общий объем и динамика роста российской экономики; (2) золотовалютные резервы и качество макроэкономического регулирования; (3) ведущая роль России в глобальной энергетике; (4) особое место России в системе глобальной безопасности как ядерной сверхдержавы; (5) статус России в качестве постоянного члена Совбеза ООН; (6) существенный прогресс в строительстве демократических институтов и в защите прав человека¹⁵.

Содержательно российское участие в G7/G8 можно условно разделить на два блока — сотрудничество с «коллективным Западом» в сфере международной безопасности и взаимодействие по вопросам развития¹⁶.

Если в первой области Россия почти всегда считала себя равноправным партнером Запада и даже в некоторых конкретных ситуациях претендовала на лидерство, то во второй области в течение длительного времени Москве приходилось довольствоваться ролью наблюдателя и ученика. Понятно, что в таких вопросах, как реформа ключевых международных финансовых организаций — МВФ и МБРР для повышения их способности оперативно реагировать на острые валютно-финансовые кризисы или даже разработка пакета мер по борьбе с отмыванием преступных доходов, роль Москвы на протяжении многих лет оставалась отчасти скромной.

До начала XXI в. Россия оставалась по сути не субъектом, а объектом мировой финансовой системы. Разумеется, с некоторыми исключениями. Например, принятие Кёльнской инициативы (на саммите «восьмерки» 1999 г. в Кёльне, Германия) по списанию долгов 42 беднейшим странам мира на общую сумму около 53 млрд долл. без активной поддержки и участия со стороны Москвы было бы как минимум половинчатым решением — ведь Советский Союз, а после него Россия являлись одними из главных кредиторов многих стран «третьего мира».

Кстати, на саммите в Кёльне в числе прочих обсуждался и вопрос о списании России части советских долгов, и даже были приняты соответствующие решения рекомендательного характера. Однако на практике эти решения выполнены не были, и Москве пришлось выплачивать задолженность СССР в полном объеме. Об этом обстоятельстве впоследствии многократно вспоминал В.В. Путин, отмечая институциональную ограниченность формата «восьмерки»¹⁷. Впрочем, Россия никогда не превращала вопрос о списании

¹⁵ Путин В.В. Интервью журналистам печатных средств массовой информации из стран — членов «Группы восьми» // Президент России. 04.06.2007.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24313>

¹⁶ Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов по окончании встречи глав государств и правительств «Группы восьми». США, Си-Айленд // Президент России. 11.06.2004.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22501>

¹⁷ См., например: Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов по окончании встречи глав государств и правительств «Группы восьми». США, Си-Айленд // Президент России. 11.06.2004.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22501>

советских долгов в дело принципа; по всей видимости, способность выплатить эти долги в полном объеме и с опережением согласованного графика также воспринималась Москвой как подтверждение восстановленного статуса России как великой державы.

Только к концу 1990-х гг. Москва наконец стала участником «восьмерки» в торгово-экономических и валютно-финансовых вопросах¹⁸, хотя и не без некоторых оговорок. При том, что Россия вошла во Всемирную торговую организацию только в августе 2012 г., а членом ОЭСР вообще так и не стала. Начавшийся в 1998 г. быстрый экономический подъем в России (в течение длительного времени она существенно обгоняла все остальные страны G8 по темпам экономического роста) уже через несколько лет позволил Москве отойти от позиции послушного стажера Запада и начать формировать свою повестку дня и в этой сфере тоже¹⁹. Разумеется, в первую очередь, это касалось вопросов мировой энергетики: Россия надеялась использовать механизм «Группы восьми» для закрепления за собой ведущей роли в определении новых правил игры в глобальной экономике. Напомним, что в начале века до «сланцевой революции» в США было еще далеко, и единственным потенциальным конкурентом (равно как и партнером) России в G8 по вопросам энергетики могла считаться Канада.

Москва последовательно стремилась к расширению круга проблем, входивших в повестку дня саммитов «Группы восьми» и, соответственно, к созданию дополнительных механизмов консультаций, предвворявших саммиты. Если до 1988 г. такими механизмами были регулярные встречи министров экономики и финансов, министров иностранных дел, министров энергетики, то после принятия в G7 России и во многом по ее инициативе стал широко использоваться механизм нерегулярных встреч министров природных ресурсов, здравоохранения, науки, сельского хозяйства. Россия активно поддержала идею проведения ежегодных встреч спикеров нижних палат парламентов и генеральных прокуроров стран-участниц (с 2002 г.).

Все это свидетельствует о серьезности намерений Москвы в начале XXI в. интегрироваться в «коллективный Запад» не только формально, но и содержательно, на максимально широком спектре направлений сотрудничества. Другое дело, что очень часто «министерский» уровень взаимодействия с западными партнерами не сопровождался адекватным «шлейфом» сотрудничества на более низких уровнях, что обесценивало достигнутые политические договоренности.

¹⁸ На саммите в Генуе (Италия, 2001 г.) Россия впервые выступила в качестве донора по некоторым программам «восьмерки».

¹⁹ Выступая на пресс-конференции в Кананаскисе и отвечая на вопрос о приоритетах завершившейся встречи «восьмерки», В.В. Путин, в частности, отметил: «Что же касается определения вопросов по важности, то думаю, несмотря на все, важнейшими тем не менее вопросами обсуждения были вопросы экономического развития. Все-таки обмен информацией в этой сфере, на мой взгляд, является крайне важным, очень полезным и всегда востребованным. Это дает возможность лучше понять, что происходит в мировой экономике, сориентироваться и скорректировать свою собственную экономическую политику». См.: Путин В.В. Пресс-конференция по окончании саммита «Группы восьми». Канада, Кананаскис // Президент России. 28.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21657>

В том, что касается проблематики безопасности, Москва столкнулась со сложностями иного рода. Из семи западных стран — участниц G8 шесть были членами НАТО, а седьмая (Япония) оставалась близким военно-политическим союзником США. Соответственно, взаимодействие России с партнерами в рамках «восьмерки» неизбежно определялось отношениями России с Соединенными Штатами и с Североатлантическим альянсом. Таким образом, даже после своей интеграции в «восьмерку» Москва была вынуждена де-факто придерживаться в сфере безопасности формата «7+1».

Пожалуй, самая решительная попытка сломать этот формат и закрепить в рамках «восьмерки» новую конфигурацию сил была предпринята Москвой на встрече в Эвиане (Франция, 2003 г.), когда Россия, Франция и Германия солидарно выступили против возглавляемой США международной интервенции в Ираке. Однако в силу многих причин тактический российско-французско-германский союз не вырос в трехстороннее стратегическое партнерство, а администрации Дж. Буша-младшего удалось довольно быстро справиться с диссидентами в рядах «совокупного Запада». Поэтому в вопросах безопасности Москва была вынуждена рассматривать площадку G8 как сугубо вспомогательную, дополняющую, но не заменяющую главные линии коммуникации с Вашингтоном и с Брюсселем.

Самостоятельную ценность для России этот вспомогательный формат мог бы приобрести применительно к новым, нетрадиционным вызовам и угрозам безопасности, где американская гегемония не была столь определяющей, а Организация Североатлантического договора не играла столь очевидной решающей роли.

Совсем не случайно, что Москва стремилась перенести в рамки G8 разработку долгосрочной программы борьбы с международным терроризмом по самым разным направлениям — от предотвращения попадания в руки террористов оружия массового уничтожения до обеспечения безопасности авиационного и морского транспорта. Россия активно участвовала в подготовке решений саммитов в Кананаскисе (Канада, 2002 г.), в Эвиане (Франция, 2003 г.) и на Си-Айленде (США, 2004 г.), создавших базу для долговременных действий по пресечению финансирования терроризма, выявлению лиц и организаций, причастных к террористической деятельности, предотвращению актов террора с использованием транспортных средств. Собственно, серьезных разногласий в G8 эти вопросы не вызвали — после 11 сентября 2001 г. борьба с терроризмом стала приоритетом всех стран «восьмерки», а звучавшая ранее жесткая критика России за методы ведения «операций по восстановлению конституционного порядка» в Чечне быстро сошла на нет.

Вторым важным приоритетом для России, отразившемся в работе G8, стало противодействие распространению оружия массового уничтожения, материалов и технологий для его создания и укрепление существующих режимов нераспространения. В этой сфере между членами «восьмерки» также имелся широкий консенсус. А потому в первые годы XXI в. на этом направлении удалось добиться существенных успехов — принятия Плана действий

по обеспечению безопасности радиоактивных источников (2003 г.), Плана действий в области нераспространения ОМУ (2004 г.), рекомендаций по усилению контрольных функций МАГАТЭ.

Интересам России отвечало и постепенное превращение G8 в резервный механизм кризисного урегулирования, призванный дополнить и облегчить деятельность главного института поддержания международного мира — Совбеза ООН. В разгар косовского кризиса 1999 г. именно в рамках «Группы восьми» (на кельнском саммите в июне) был предварительно согласован проект резолюции СБ ООН 1244 — единственной общепризнанной базы урегулирования в этом районе Балкан²⁰.

Подобно большинству неофитов, Москва последовательно защищала «элитарность» G8 и не поддерживала идей о возможном дальнейшем расширении состава группы. Указывалось на то, что расширение «восьмерки» затруднит поиск консенсуса и осложнит принятие решений. Кроме того, отмечалось, что фактически «Группа восьми» начала выполнять функции неформального «ядра» международной системы, вокруг которого группировались другие государства и международные организации.

Как говорил С.В. Лавров, «начнем с того, что “восьмерка” — понятие относительное. На самом деле, участников-то больше. К примеру, есть Евросоюз, который представляет очень большую группу стран. Во-вторых, в мероприятиях в рамках саммита “Большой восьмерки” регулярно принимают участие другие ведущие государства мира. Это и Китай, и Индия, ЮАР, Бразилия, Мексика... Для решения отдельных вопросов в течение года привлекаются представители многих стран. В частности, когда речь идет об Африке, то привлекаются руководители Африканского союза. Причем подобные встречи становятся все более систематизированными и структурированными»²¹. Остается лишь гадать, означало ли такое понимание роли «восьмерки» фактическое согласие России на сохранение американской гегемонии в формирующемся мировом порядке, или все-таки в Москве надеялись на то, что с подключением к работе «Группы восьми» все большее число стран американская гегемония в группе будет уходить в прошлое. На наш взгляд, вторая версия выглядит более убедительной, поскольку параллельно с усилиями по повышению своего статуса в «Группе семи» Россия активно продвигала идею многополярного мира как оптимальной модели будущего миропорядка.

Вершиной российского участия в работе «Группы семи» стали подготовка и проведение саммита G8 в Санкт-Петербурге летом 2006 г. Москве удалось построить работу саммита вокруг своих национальных приоритетов,

²⁰ Считается, что именно саммит в Кельне стал поворотным пунктом в позиции России. До этого российская сторона не соглашалась с западными партнерами по многим вопросам общих принципов мирного урегулирования в Контактной группе и Совете Безопасности ООН. По всей видимости, в этом эпизоде проявилась обычная склонность российского руководства решать важные для себя вопросы преимущественно в формате личного общения на высшем уровне.

²¹ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова // Российская газета. 07.07.2006.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/mezhdunarodnye-ekonomiceskie-forumy/-/asset_publisher/MgP0QsN4ZAF2/content/id/397934

выдвинув на первый план вопросы энергетической безопасности, борьбы с опасными заболеваниями и развития образования. Особенно важной была, естественно, энергетическая тема, позволявшая сделать акцент на очевидных сравнительных ресурсных преимуществах России на фоне других членов «восьмерки». К работе саммита были подключены институты СНГ, что должно было повысить международный статус постсоветского интеграционного проекта. Наконец, проведение встречи G7 в России было умело использовано и во внутриполитическом контексте, став символом внешнеполитических достижений руководства В.В. Путина.

Стоит заметить, что впечатляющая российская победа в Санкт-Петербурге отнюдь не была гарантирована заранее. За два месяца до саммита G8, выступая перед лидерами прибалтийских и черноморских стран на конференции «Единое видение общего соседства» в Вильнюсе с программной речью, вице-президент США Дик Чейни в крайне резких выражениях критиковал внешнюю и внутреннюю политику Кремля, выразил сомнения в том, что Москва последовательно движется в сторону демократии и особо подчеркнул, что энергетическая политика России превращается в «средство запугивания и шантажа» соседних государств²². Потребовались значительные усилия на высшем уровне, чтобы США в конце концов согласились на российский текст документа о принципах глобальной энергетической безопасности.

Пожалуй, именно на саммите в Санкт-Петербурге «Группа восьми» ближе всего подошла к тому, чтобы стать по-настоящему глобальной площадкой для обсуждения новых правил игры в мировой политике и экономике XXI в. Никогда ранее саммиты «восьмерки» не были столь представительными, количество и разнообразие сопутствующих мероприятий не было столь велико, а настрой участников не был столь оптимистичным. Едва ли кто-то из собравшихся в Питере мировых лидеров мог предположить, что всего через несколько лет складывающееся политическое и экономическое единство мира будет подвергнуто серьезным испытаниям, а сам термин «глобализация» приобретет широко распространенную устойчивую негативную коннотацию.

²² Зыгарь М. Враг у ворот. Дик Чейни произнес в Вильнюсе почти фултонскую речь // Коммерсантъ. 05.05.2006.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/671371>

Акт третий: между «восьмеркой» и «двадцаткой» (2006–2014 гг.)

Летом 2006 г. многим казалось, что самый сложный и опасный период в отношениях между Россией и Западом остался позади, и что в повестке дня нерешенных проблем сохраняются главным образом частные, технические вопросы, не представляющие серьезной угрозы для поступательного движения вперед. Однако за видимостью позитивной динамики, за триумфаторской риторикой скрывались более чем серьезные разногласия. Эти разногласия касались самых фундаментальных аспектов европейской и глобальной безопасности, основ будущего мирового порядка, представлений о том, что следует считать законным и незаконным, справедливым и несправедливым, приемлемым и неприемлемым в мировой политике.

К середине первого десятилетия XXI в. была утеряна прежняя динамика в диалоге России и Евросоюза, а проводившиеся дважды в год саммиты Россия — ЕС все больше превращались в протокольные, бессодержательные мероприятия. Постепенно накапливалось взаимное раздражение в связи с работой Совета Россия — НАТО, в отношении которого у сторон обнаружились очень разные ожидания. Периодически возникали очаги напряжения и предметы споров в самых разных точках постсоветского пространства. На зеркальной общеевропейской витрине появились первые, пока еще почти незаметные, змеистые трещины.

Триумфальное проведение саммита G8 в Санкт-Петербурге также отразило этот переломный момент в отношениях России и Запада. Саммит «восьмерки» продемонстрировал не только возможности использования данного механизма в российских интересах, но и очевидные ограничители такого использования. Так, на центральном для Москвы энергетическом направлении российская сторона не смогла добиться консенсуса относительно выработки общего и всеобъемлющего определения энергетической безопасности, хотя российская сторона и объявила о «прорыве» в этой сфере²³. Те ограниченные договоренности, которые все-таки были достигнуты в Санкт-Петербурге, не имели дальнейшего развития (например, они мало повлияли на конкретные переговорные позиции Европейского союза в энергетическом диалоге с Москвой)²⁴.

²³ «Мы выработали единые подходы к обеспечению глобальной энергобезопасности. Наша совместная стратегия строится на едином понимании того, что у человечества общее энергетическое будущее. Будущее, за которое все мы несем солидарную ответственность. Подчеркну, что принятые решения позволяют обеспечить долгосрочное совершенствование глобальной системы энергобезопасности. И, что немаловажно, охватывают практически все ее аспекты. Это и повышение надежности энергетической инфраструктуры, диверсификация производства и поставок ресурсов, это развитие энергосберегающих технологий, альтернативных источников энергии. Это достижение большей прозрачности и предсказуемости энергорынков, в основе которых лежит учет интересов всех участников глобальной энергетической цепочки». См.: Пресс-конференция В.В. Путина по итогам встречи «Группы восьми». Санкт-Петербург // Президент России. 17.07.2006. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23717>

²⁴ Российская сторона в дальнейшем пыталась апеллировать к решениям петербургского саммита «восьмерки», в частности, на встрече в Хоккайдо в июле 2008 г. См.: Пресс-конференция Д.А. Медведева по окончании встречи глав государств и правительств «Группы восьми». Япония, Токио // Президент России. 09.07.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/725>. Однако значительного продвижения российских интересов добиться так и не удалось.

Не удалось согласовать позиции членов «восьмерки» по ядерной энергетике, пришлось констатировать готовность «соглашаться не соглашаться». Не получилось представить проблемы развития и безопасности на постсоветском пространстве как общие проблемы всей «восьмерки» и перейти от преимущественно конкурентных моделей взаимодействия между Россией и Западом на этом пространстве к преимущественно кооперационным отношениям. Решения «восьмерки» в сфере образования не привели к качественному сдвигу в международном образовательном сотрудничестве.

Наверное, было бы несправедливым обвинять в этих неудачах исключительно западную сторону, ее нежелание воспринимать Россию как полноценного члена своего клуба. Определенную негативную роль тут сыграли недостаточная опытность российской дипломатии, упрощенные представления о мотивациях партнеров, завышенные ожидания от принятия решений общего характера и недооценка технических деталей обсуждаемых вопросов. Насколько можно судить, российское восприятие G8 даже после многолетней работы в ее формате оставалось несколько схематичным, не в полной мере учитывавшим сложность и длительность процесса формирования атмосферы взаимного доверия между Москвой и западными столицами, инерционность старых представлений о России, унаследованных от эпохи Холодной войны. Но в любом случае после проведения саммита «Группы восьми» в Санкт-Петербурге начинается процесс постепенного снижения интереса России к работе G8.

Возвращаясь к упомянутому выше спору российских «конспирологов» и «нигилистов» относительно роли G7/G8 в определении совокупной стратегии Запада, можно констатировать, что после санкт-петербургского саммита соотношение сил между двумя группами начинает все более отчетливо меняться в пользу последних. Выясняется, что никакие декларации G8 по энергетике не воспринимаются чиновниками Евросоюза как руководство к действию, что общие позиции «восьмерки» по международному терроризму и нераспространению ядерного оружия не отменяют стремления США и дальше расширять НАТО на восток, а признание за Россией статуса «члена западного клуба» не означает отказа от попыток ослабить российское влияние на постсоветском пространстве.

По мере углубления сотрудничества России с Западом в формате «Группы восьми» ранее не столь заметная двусмысленность этого сотрудничества становилась все более заметной. И если для руководства Б.Н. Ельцина сам факт приобщения России к самому престижному западному клубу был уже выдающимся внешнеполитическим достижением, то для руководства В.В. Путина членство России в «восьмерке» имело значение лишь настолько, насколько это членство позволяло решить конкретные внешнеполитические и внешнеэкономические задачи, стоящие перед Москвой. По всей видимости, эта смена приоритетов не была должным образом отрефлексирована западными партнерами России, что ускорило снижение интереса российской стороны к сотрудничеству с G8.

Дополнительным катализатором снижения роли «восьмерки» во внешне-политических приоритетах Москвы стало создание «двадцатки». Вопрос о переосмыслении функций G8 на фоне формирования G20 стал одной из важнейших тем для обсуждения внутри «восьмерки» уже в 2008 г. Но для России появление нового форума имело особое значение. После создания G20²⁵ часть наиболее интересующих Москву вопросов переместились из G8 в G20. Кроме того, в «Большой двадцатке» Россия чувствовала себя комфортнее, чем в «Большой восьмерке» — в новом объединении она не выглядела «белой вороной», у нее появились новые союзники и партнеры, да и вообще было больше возможностей повлиять и на повестку дня встреч на высшем уровне, и на принципы работы новой структуры.

Характерно сравнение двух форумов тогдашним президентом Д.А. Медведевым, сделанное в Питтсбурге в сентябре 2009 г. по итогам первого саммита «Группы двадцати»: «...“восьмёрка” не способна решить сегодня (при всём уважении к государствам “восьмёрки”) всех экономических проблем. А “двадцатка” оказалась способна, потому что в результате нашей работы мы всё-таки приняли очень важные решения, часть из которых, как я вам только что сказал, были приняты недавно, сегодня. Поэтому... специализация “восьмёрки”, по всей вероятности, должна быть подвергнута изменению. Никто, конечно, никогда не запретит обсуждать экономические вопросы любым странам, которые встречаются, но то, что “восьмёрка” без “двадцатки”, без оставшихся двенадцати стран, не способна сегодня решить всех стоящих перед мировой экономикой задач, — это очевидно»²⁶.

При этом российское руководство последовательно возражало против идеи о том, что «восьмерка» при определенных обстоятельствах могла бы стать неким ядром «двадцатки», определяющим повестку дня последней. Как утверждал посол В. Б. Луков, «после появления “Группы двадцати” экономические функции “восьмерки” несколько модифицировались и стали уже. Размышлять о судьбах всей мировой экономики и давать рекомендации “двадцатке” теперь нет нужды. Тем более что все члены “восьмерки” входят в G20. “Восьмерка” теперь больше действует через личный пример, стремится демонстрировать лидерство в таких сферах, как борьба с международным терроризмом, как модернизация системы содействия международному развитию... Думаю, это коллективное лидерство “восьмерки” на ряде направлений идет на пользу “двадцатке”. А что касается роли самой «восьмерки» в «Группе двадцати», то здесь бы я предостерег от подачи “Группы восьми” как штаба “двадцатки”. Мир стал многополярным, появились новые центры экономической мощи»²⁷.

²⁵ Формально «Группа двадцати» была основана еще в конце 90-х гг. прошлого века, но первый саммит «двадцатки» был проведен только в ноябре 2008 г. на фоне углубления глобального финансового кризиса.

²⁶ Пресс-конференция Д.А. Медведева по итогам саммита «Группы двадцати». США, Питтсбург // Президент России. 26.09.2009.

URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/5578>

²⁷ Интервью посла по особым поручениям МИД России, заместителя представителя Президента Российской Федерации в «Группе восьми» В.Б. Лукова // РИА Новости. 24.12.2013.

URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/82258

Эта позиция не должна вызывать удивления, поскольку на роль штаба «двадцатки», помимо «восьмерки», могли претендовать и другие международные группировки, в которых участвовала Россия, но не ее западные партнеры — например, ШОС и БРИКС. Возможность заходить в «Группу двадцати» с разных площадок и представлять различные группировки стран с несовпадающими интересами рассматривалась как важное сравнительное преимущество России. Как отмечала российский исследователь В. Панова, «если бы сценарий сближения позиций стран из БРИКС и “Группы восьми” был бы реальным в краткосрочной перспективе, необходимость в существовании их обеих отпала бы в пользу функционирования только “Группы двадцати”. России же необходимо по возможности максимально использовать свое уникальное положение участия как в “восьмерке”, так и в БРИКС, хотя роль посредника во взаимоотношениях обеих группировок Россия играть не может и не должна. Слишком активное муссирование темы “посредника” или “моста” может привести к отчуждению в обеих группах, где РФ будет рассматриваться как агент влияния противоположной структуры»²⁸.

Однако на протяжении длительного времени российское руководство по-прежнему исходило из приоритетной роли «восьмерки» в обсуждении вопросов безопасности. Здесь уже сложились определенные традиции и был накоплен большой опыт сопряжения расходящихся позиций и интересов. «Группа двадцати» рассматривалась как слишком большая и слишком разрозненная для того, чтобы вести эффективную работу на этом направлении. Договоренности, которые могли бы быть предварительно достигнуты по вопросам острых международных кризисов в формате «восьмерки», могли облегчить последующее обсуждение этих кризисов в Совете Безопасности ООН и свести к минимуму потребность в использовании Россией своего права вето в СБ. При наличии консенсуса в рамках «восьмерки» для прохождения того или иного вопроса в Совете Безопасности требовалось лишь заручиться поддержкой Китая, что было проще, чем вовлекать всю «двадцатку».

Поэтому даже в 2011 г. С.В. Лавров имел основания говорить, что «создание “Группы двадцати” не уронило значения “восьмерки”, хотя сейчас происходит процесс “разделения труда” между этими форматами. “Двадцатка” концентрируется на решении проблем реформирования мировой валютно-финансовой системы, а “Группа восьми” остается полезным механизмом для сопоставления позиций по политическим вопросам и кризисным ситуациям. Речь, в частности, идет об иранской ядерной программе, ядерной проблеме Корейского полуострова, БВУ, обстановке в Северной Африке и на Ближнем Востоке»²⁹. Характерно, что, обосновывая согласие России на

²⁸ Панова В. Перспективы развития «Группы восьми» в контексте внешних вызовов и долгосрочных приоритетов российской внешней и внутренней политики // Динамика развития «Группы двадцати», «Группы восьми», БРИКС и интересны России. РСМД, Доклад № 2. М.: Проспект. 2012. С. 25.
URL: https://www.russiancouncil.ru/upload/RIAC_BRICS.pdf

²⁹ Ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы российского журнала «VIP-Premier» по итогам министерского заседания «группы восьми». Франция, Париж // МИД. 15.03.2011. URL: http://www.mid.ru/web/guest/mezhdunarodnye-ekonomiceskie-forumy/-/asset_publisher/MgP0QsN4ZAF2/content/id/215046

смену политического режима в Ливии летом 2011 г., президент Д.А. Медведев ссылался на т. н. Довильскую декларацию «Группы восьми», в которой констатировалась утрата легитимности руководства Муаммара Каддафи³⁰.

Некоторые российские эксперты не без оснований замечали, что сохранение «конструктивной неопределенности» в размежевании функционала «восьмерки» и «двадцатки» имеет право на существование и в будущем: «...“Группа восьми” фактически передала экономические вопросы “Группе двадцати”, которая устойчиво расширяла экономическую повестку дня. Тем не менее процесс разделения труда не завершён ни по приоритетам, ни по функциям глобального управления. Четкое разделение труда снизит гибкость и способность к реагированию саммитов, уменьшит возможности лидеров работать над различными вопросами в условиях изменяющейся геометрии во взаимодополняющем формате»³¹.

При этом за «Группой восьми» Москвой признавалась и своя особая роль в сфере экономики. Как отмечал заместитель Министра иностранных дел РФ С.А. Рябков после саммита «восьмерки» в Лох-Эрне летом 2013 г., «могу назвать происходящее в “восьмерке” в последнее время экономическим ренессансом. Когда создавалась “двадцатка”, возникли предположения, что постепенно функция главного координатора международных экономических, в том числе торговых, процессов и решений отойдет к этой группе. Конечно, значение “двадцатки” недооценивать нельзя, но все же “восьмерка” сохранила за собой определенную экономическую нишу. В вопросе речь идет о социальной составляющей. Думаю, что темы, по которым работает “восьмерка”, в том числе “Довильское партнерство” (это социальная составляющая стабилизации на Ближнем Востоке), а также вопросы налогообложения, прозрачности деятельности различных отраслей имеют вполне определенное социальное измерение. Конечно, нельзя все сводить только к этому, но то, что данная тематика присутствует, причем отчетливо, в деятельности “Группы восьми” — факт. Это отвечает нашим интересам, мы это поддерживаем»³².

Некоторые российские эксперты, предвидя возможное осложнение отношений между Россией и Западом по вопросам региональных кризисов и проблем безопасности в целом, предполагали, что формат G8 мог бы быть использован как своего рода сдерживающий механизм в отношении НАТО, препятствующий реализации антироссийских устремлений бюрократии Североатлантического альянса. То есть «Группа восьми» рассматривалась как потенциальная альтернатива или как дополнение к механизму Совета Россия — НАТО, не оправдавшему возлагавшихся на него надежд. Однако практика работы «восьмерки» в конце первого — начале второго десятилетия XXI в. показала, что ни о каком балансе НАТО со стороны «Группы восьми»

³⁰ Пресс-конференция Д.А. Медведева по итогам саммита «Группы восьми». Франция, Довиль // Президент России. 27.05.2011. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/11374>

³¹ Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р. Роль «Группы восьми» и «Группы двадцати» в развитии форм глобального и регионального коллективного регулирования // Вестник международных организаций, 2012. № 2. С. 49.

³² Рябков С.А. Россия — США: будем пытаться расширять интерфейсы взаимных ожиданий и возможностей // Международная жизнь, июнь 2013. С. 7–8.

говорить не приходится. Скорее, имел место обратный процесс — решения, принимаемые в рамках Североатлантического альянса, становились отправной точкой для формирования консолидированных позиций западных членов «восьмерки». В итоге, как и в рамках Совета Россия — НАТО, на саммитах G8 Москва все чаще сталкивалась с единым фронтом западных держав.

Таким образом, даже в сфере безопасности между Москвой и другими членами «Группы восьми» накапливались сложности, а формат «7+1» так и не был до конца преодолен. Это проявилось, в частности, в ходе кавказского кризиса лета 2008 г., когда лидеры семи западных стран провели экстренное телефонное совещание без участия России и приняли коллективное заявление, осуждающее признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Фактически в рамках G8 западные страны продублировали позицию, занятую ими в рамках Совета Россия — НАТО, т. е. вместо предполагавшегося диалога демонстративно изолировали Москву. Данный шаг, по мнению российской стороны, не только носил предвзятый характер и оправдывал агрессивные действия Грузии, но и подрывал доверие между членами «Группы восьми»³³. Решение западных членов «восьмерки» также интерпретировалось в Москве как очевидное проявление «двойных стандартов», поскольку практика исключения из обсуждения «провинившегося» члена G8 никогда не использовалась в отношении западных стран — например, она не была применена в отношении США и Великобритании после начала военной интервенции в Ираке в 2003 г.

Но, наверное, самым явным свидетельством снижения интереса российского руководства к «Группе восьми» стало принятое в мае 2012 г. вновь избранным Президентом В.В. Путиным решение отказаться от участия в очередном саммите «восьмерки» в Кэмп-Дэвиде (США) и направить вместо себя премьер-министра Д.А. Медведева. Дополнительную пикантность ситуации придало то, что основанием для отказа в поездке в США была объявлена загруженность В.В. Путина работой по формированию нового правительства, возглавить которое должен был именно Д.А. Медведев. Решение российского лидера было особенно неприятным для хозяина саммита — Б. Обамы, поскольку последний перенес встречу «восьмерки» из Чикаго в Кэмп-Дэвид во многом для того, чтобы территориально развести саммит G8 и саммит НАТО, в котором российский лидер несколько ранее тоже отказался участвовать³⁴.

Следующее председательство России, как известно, выпадало на 2014 г. Соответствующая подготовительная работа началась еще до украинского кризиса и продолжалась после того, как кризис вошел в острую стадию.

³³ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с Заявлением «семерки» относительно признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии // МИД. 29.08.2008.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xlEMTQ3OvzcA/content/id/326946

³⁴ Одновременно В.В. Путин принял важное кадровое решение о снижении бюрократического статуса российского шерпы в G8. Если до мая 2012 г. это место занимал вице-премьер Аркадий Дворкович (а до него — весьма близкий В.В. Путину Игорь Шувалов), то с мая 2012 г. российским шерпой назначается заместитель начальника экспертного управления Администрации Президента А.Г. Квасов, который при этом не освобождается от многочисленных других своих обязанностей.

Надеялось ли российское руководство на то, что кризис не приведет к отмене сочинского саммита G8 и что России удастся сохранить свое членство в этом клубе? Определенно ответить на этот вопрос трудно, но можно с уверенностью констатировать, что подготовительная работа велась в Кремле как минимум до середины марта 2014 г.³⁵

Едва ли справедливы распространенные ныне в России утверждения о том, что к 2014 г. «Большая восьмерка» уже утратила свою ценность для Москвы, и в Кремле не придавали никакого значения риску потерять свое членство в этой организации. Во всяком случае, выступая на пресс-конференции в Лох-Эрне по итогам саммита «восьмерки» 2013 г., Президент В.В. Путин говорил: «Встречи здесь, в Лох-Эрне, подтвердили востребованность “восьмёрки” как важного механизма согласования позиций ведущих индустриальных стран по вопросам мировой политики и социально-экономического развития. Откровенные, неформальные дискуссии лидеров позволяют затронуть самые острые и самые сложные проблемы, выдвинуть новые идеи, договориться о коллективных действиях»³⁶.

Также весьма примечательно, что на этой же пресс-конференции российскому президенту был задан вопрос о том, не считает ли он, что на практике — особенно по таким острым вопросам, как сирийский — «восьмерка» продолжает работать в формате «7+1» и что России приходится в одиночку противостоять объединенной группировке западных держав. В.В. Путин на этот вопрос дал решительный отрицательный ответ, подчеркнув внутреннее единство «Группы восьми» и ее настрой на поиск консенсуса в подходах к самым острым международным проблемам³⁷. Таким образом, хотя участие России в «Группе восьми» к 2014 г. уже перестало быть столь приоритетным направлением российской внешней политики, как это было десятилетием ранее, мнение об исчерпанности формата G8 для Москвы не разделялось на официальном уровне.

³⁵ Решение западных членов «Группы восьми» прекратить свое участие в работе группы и вернуться к формату G7 было объявлено 24 марта 2014 г. См.: The Hague Declaration following the G7 meeting // European Commission. 24.03.2014.
URL: http://www.europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-14-82_en.htm

³⁶ Пресс-конференция В. В. Путина по итогам встречи глав государств и правительств «Группы восьми». Великобритания, Лох-Эрн // Президент России. 18.06.2013.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/18361>

³⁷ Там же.

Эпилог (2014–2019 гг.)

Могла ли «Группа восьми» предотвратить украинский кризис или хотя бы смягчить его последствия? Скорее всего, на этот вопрос придется дать отрицательный ответ — ведь и другие, гораздо более институционально сильные международные организации, включая Европейский союз, НАТО и даже Совет Безопасности ООН, оказались неспособными оперативно и решительно реагировать на события, развивавшиеся на Украине в конце 2013 – начале 2014 гг.

С другой стороны, стоит заметить, что «восьмерка» проглядела приближение кризиса — вплоть до 2014 г. Украина вообще ни разу не была предметом серьезного обсуждения в формате «Группы восьми», хотя другие региональные проблемы и вопросы, ситуации в отдельных странах мира нередко входили в повестку дня саммитов G8. Данное примечательное обстоятельство можно считать наглядным подтверждением того, что сотрудничество России и западных членов «восьмерки» строилось в большей степени на попытках найти точки соприкосновения по «нетоксичным» вопросам, чем на стремлении серьезно обсуждать фундаментальные проблемы, разделяющие Россию и Запад.

Украина появилась в повестке дня группы только тогда, когда «восьмерка» превратилась в «семерку». После этого превращения украинская тема подробно обсуждалась и в Брюсселе (2014 г.), и в Эльмау (2015 г.), и в Симе (2016 г.). Правда, разговор сводился главным образом к подтверждению необходимости сохранения антироссийских санкций; никаких оригинальных предложений по украинской тематике, насколько известно, «Группа семи» не выдвинула. Полномочия по ведению переговоров с Москвой были переданы двум членам G7 — Германии и Франции, взаимодействовавшим с Россией и Украиной в формате «нормандской четверки»; Соединенные Штаты создали свой канал двусторонних российско-американских консультаций по вопросам украинского урегулирования.

После фактического исключения Москвы из «Группы восьми» отношение к этой группе в России, разумеется, начинает меняться. Все меньше акцентов делается на сравнительные преимущества группы, все больше внимания уделяется проблемным моментам.

Во-первых, подчеркивается, что G7 не отражает нового соотношения сил в мире; ее участники, даже взятые в совокупности, уже не могут претендовать на роль ведущих конструкторов и строителей нового мирового порядка. Отвечая на вопрос о возможном возвращении России в «Группу семи», министр С.В. Лавров отметил: «Сегодня мы не видим необходимости в работе в рамках данного формата. Он, на наш взгляд, во многом себя исчерпал, утратил международный вес. По сути, “семерка” играет роль своего рода «междусобойчика», не поспевающего за темпом стремительно меняющегося мира. Прежде всего, имею в виду появление и укрепление

новых влиятельных центров силы, без которых эффективно решать актуальные глобальные и региональные проблемы просто невозможно»³⁸.

Во-вторых, обращается внимание на лидирующую роль США в работе «семерки»; утверждается, что именно американские позиции в конечном счете наиболее полно отражаются в принятых документах. При том, что общее отношение к России в рамках G7 остается враждебным и несправедливым: «многие члены этого неформального клуба больны антиросийским синдромом. Продолжаются откровенно недружественные шаги. В ряде международных финансовых институтов, например, во Всемирном банке, участники «Группы семи» согласованно блокируют любые проекты на территории России»³⁹.

В-третьих, отмечается, что после создания «Группы двадцати», а также поступательного развития других многосторонних форумов наиболее существенные для России вопросы переместились и обсуждаются на других площадках, а не в рамках G7. «Мы не испытываем недостатка общения с лидерами ведущих экономических держав и в других форматах, в рамках СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, БРИКС, АТЭС — констатировал директор Департамента экономического сотрудничества МИД России Е.А. Станиславов. — Периодически проводятся саммиты под эгидой ООН. Кроме того, объективно в обсуждении глобальной экономической повестки дня в последние годы “восьмерка” все больше сдает свои позиции “Группе двадцати”, в работе которой Россия принимает самое активное участие. Россия очень комфортно себя чувствует в этом форуме... Мы видим много плюсов для себя в “двадцатке” во взаимодействии с крупнейшими экономиками мира. Само появление этой группы — свидетельство, что баланс экономических сил в мире смещается из Старого Света на Восток и на Юг»⁴⁰.

Что же касается проблем безопасности и политической повестки дня, то потенциальная ценность G7 в целом признается, но практические возможности использования этого формата рассматриваются руководством российского МИДа как весьма ограниченные: «Что касается повестки дня самой “восьмерки”, она в известной степени утратила свое значение после создания “Группы двадцати”, потому что вся финансово-экономическая координация ушла именно туда. “Восьмерка” пыталась компенсировать такой разворот в структурах многосторонней дипломатии активным погружением в политическую проблематику: конфликты в Сирии и на Корейском полуострове, ближневосточное урегулирование, Афганистан и т. д... Если бы наши партнеры были последовательными, ее политический потенциал можно было бы использовать. Но... реальные решения по международным

³⁸ Ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы информагентства «Россия Сегодня» // МИД. 29.12.2016.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2582919

³⁹ Там же.

⁴⁰ Интервью директора Департамента экономического сотрудничества МИД России Е.А. Станиславова // Интерфакс. 25.02.2015.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/publikacii/-/asset_publisher/nTzOQTrCFd0/content/id/1113960

проблемам войны и мира, а не какие-то лозунги и декларации, принимает Совет Безопасности ООН»⁴¹.

В итоге делается вывод, что участие России в «Группе семи» на данном этапе в любом случае не имеет для Москвы особой ценности, а потому выдвигающиеся иногда на Западе предложения «вернуть Россию в семерку» в качестве возможного бонуса за изменение международного поведения Москвы не стоит даже серьезно рассматривать⁴².

С другой стороны, в российском «посткризисном» нарративе присутствует сравнение G7 с теми организациями, которые были созданы при непосредственном участии России — ШОС и БРИКС. Разумеется, сравнение оказывается не в пользу «Группы семи». Утверждается, что деятельность «не-западных» организаций отличает демократизм, открытость и пр., чего якобы нет в работе «семерки».

Дополнительные аргументы для российских критиков G7 были предоставлены администрацией Дональда Трампа, которая с самого начала своей деятельности продемонстрировала неуважение к этому органу и готовность использовать площадку «семерки» для жесткого давления на партнеров США. Позиция Дональда Трампа на встречах «Группы семи» в Таормине (Италия) в 2017 г. и Ла-Мальбе (Канада) в 2018 г. преподносилась в российских официальных СМИ как подтверждение того, что без участия России «Группа семи» все больше превращается в механизм сохранения разваливающегося «однополярного мира». Причем механизм не очень эффективный, учитывая то обстоятельство, что по многим вопросам «Группа семи» оказывалась фактически группой «G6+1». Обращалось внимание и на то, что главные решения G7 в 2017 и 2018 гг. (соответственно — по гражданской войне в Сирии и по использованию химического оружия) мало повлияли на те проблемы, на которые эти решения были направлены⁴³.

На данный момент очень трудно представить себе ситуацию, при которой Москва могла бы проявить серьезную заинтересованность в возвращении в «Группу семи»⁴⁴. Если на Западе потенциальное возвращение Москвы рассматривают как «награду за хорошее поведение России», то в Москве, напротив, исходят из того, что Россия больше нужна «семерке»,

⁴¹ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО(У) // МИД. 1.09.2014.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/672434

⁴² Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ о возможном возвращении России в «восьмерку» // МИД. 13.04.2016.
URL: http://www.mid.ru/web/guest/mezhdunarodnye-ekonomiceskie-forumy/-/asset_publisher/MgP0QsN4ZAF2/content/id/2229319

⁴³ Эти же выводы делаются и в отношении более ранних саммитов «Группы семи», проводившихся без участия России. Например, двумя главными темами встречи «семерки» в Эльмау (Германия) в июне 2015 г., помимо санкций в отношении России, были темы прекращения гражданской войны в Ливии и единой позиции Запада по измерениям климата. Однако четыре года спустя гражданская война в Ливии продолжается, а победа на президентских выборах в США в 2016 г. Д. Трампа привела к глубокому расколу «семерки» по вопросам глобального климата.

⁴⁴ Идеи возвращения Москвы в G7 неоднократно высказывались в России, например, в ходе обсуждения внешнеполитических приоритетов страны на 2018–2024 гг. См., например: Иноземцев В.Л. Смена курса: какой должна быть внешняя политика нового президента России // РБК. 22.05.2017.
URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/22/05/2017/5922b44f9a7947e19716cbef>

чем «семерка» России. Следовательно, российская заинтересованность в возвращении в «семерку» могла бы возникнуть лишь при значительной коррекции внешнеполитического курса хотя бы части участников группы в направлении, отвечающем интересам Кремля.

Подобная коррекция представляется в обозримом будущем крайне маловероятной даже с учетом многочисленных факторов неопределенности, влияющих на каждого из членов группы. Более того, неудача многолетнего эксперимента по интеграции России в «Группу семи» делает любую новую попытку такого рода заведомо более трудным делом. В начале 90-х гг. прошлого века Москва располагала таким кредитом доверия со стороны Запада, который, даже при всем желании российской стороны, едва можно будет восстановить в обозримом будущем. И если некоторые члены «семерки» (Германия, Франция, Италия, США при администрации Д. Трампа) время от времени говорят о принципиальной возможности возвращения России в лоно «семерки», то другие члены (Великобритания, Канада) такую возможность решительно отвергают.

Даже если представить себе гипотетическую ситуацию «полного и окончательного» разрешения кризиса вокруг Украины, возвращение России в «Большую семерку» привело бы к воспроизводству в той или иной форме всего того набора проблем, который характеризовал отношения Москвы с G7 двадцать лет назад. За два десятилетия стороны так и не нашли способов окончательно преодолеть формат «7+1» и полноценно интегрировать Россию в привилегированный западный клуб. А поскольку за эти десятилетия существенно изменился глобальный баланс экономических и политических сил, возникли новые форматы многостороннего сотрудничества, то «Большая семерка» утратила те существенные элементы универсализма, которыми она обладала в конце XX в. На фоне «Большой двадцатки», БРИКС, ШОС, АТЭС и других инклюзивных организаций, «Большая семерка» все больше оказывается символом «коллективного Запада», обороняющегося от ревизионистских устремлений «коллективного не-Запада».

Нельзя не согласиться с высказанным еще в 2011 г. мнением российского исследователя «Группы восьми» В.В. Пановой, отмечавшей: «Включение России в “восьмерку”, в принципе, оказалось “бомбой замедленного действия” для этого элитного клуба, так как ввело в механизм неформального достаточно закрытого общения близких по духу государств совершенно иного игрока, чьи интересы значительно отличаются от основных подходов стран “семерки”, и, таким образом, размывало возможности их координации»⁴⁵. В 2014 г. западные члены клуба эту «бомбу» обезвредили путем исключения Москвы из своих рядов, но такое решение проблемы стало признанием того, что у процесса расширения исторического Запада обозначились географические и цивилизационные пределы. Ни о каком

⁴⁵ Панова В.В. Роль и место «Группы восьми» в современной международной системе и перспективы ее развития в контексте внешних вызовов и приоритетов российской внутренней и внешней политики. // Вестник международных организаций. 2011. № 4. С. 24.

дальнейшем увеличении числа членов G7, чтобы как-то компенсировать потерю России, речи уже не шло.

Можно предположить, что тактически Россия даже выигрывает от существования «Группы семи», поскольку G7 оттягивает на себя многие дискомфортные для российского руководства вопросы, которые при других обстоятельствах могли бы стать предметом обсуждений на саммитах G20. Однако стратегические потери России от провала «проекта G8», на наш взгляд, в любом случае перевешивают тактические выгоды — особенно в сфере безопасности. Вряд ли можно считать случайностью то обстоятельство, что прекращение работы «восьмерки» совпало с обострением системного кризиса контроля над вооружениями и эскалацией ряда опасных региональных конфликтов.

Отсутствие России за столом неформальных обсуждений в рамках G8 имеет своим следствием не повышение, а, напротив, снижение эффективности работы Совета Безопасности ООН. Существующие между Москвой и западными столицами разногласия, которые раньше можно было обговаривать в неформальном порядке, чтобы находить приемлемые компромиссы, теперь выносятся непосредственно на заседания Совета Безопасности, что отражается в участвующем использовании права вето как Россией, так и другими постоянными членами Совбеза.

Не останавливаясь на этом вопросе подробно, выскажем мнение, что исключение России из «Группы восьми» негативно сказалось и на последующей деятельности группы в целом. Без Москвы работа «семерки» во многих отношениях упростилась, поскольку группа стала более гомогенной. Но эта работа утратила прежний глобальный размах и стратегические амбиции, все больше сводясь к отчаянным попыткам сохранить хотя бы видимость единства Запада в условиях множащихся проблем и вызовов. В деятельности «семерки» была потеряна прежняя интрига, замены которой пока не нашлось.

Хотя Россия, конечно же, в любом случае не могла выступить в «восьмерке» полноценным противовесом Соединенным Штатам, российское участие позволяло хотя бы частично смягчать американскую гегемонию, ставшую особенно вызывающей после ухода из «Группы восьми» России и прихода в группу Дональда Трампа⁴⁶. Очевидные потери группы от исключения из ее состава Москвы неоднократно отмечали многие лидеры «семерки» — от Ангелы Меркель до Эммануэля Макрона.

При этом, разумеется, неизменно делалась оговорка о том, что в настоящее время для возвращения России в «Группу семи» не имеется необходимых предпосылок. Сами же эти предпосылки, т. е. требующиеся изменения «российского поведения», за исключением требования полного выполнения Минских соглашений Москвой, формулировались весьма широко и неопределенно даже со стороны тех членов «семерки», которые склонны

⁴⁶ См., например: Картунов А.В. Европа и Трамп: молчание ягнят // РСМД. 17.04.2019.
URL: <https://www.russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/evropa-i-tramp-molchanie-yagnyat>

относиться к России терпимее, чем сторонники жесткой линии. Данная неопределенность косвенно подтверждает вывод о том, что вопрос о возвращении России не рассматривается в «Группе семи» как реальная перспектива обозримого будущего, а раздающиеся призывы к Москве «встать на правильную сторону истории» следует расценивать как дань политической риторике, а не как готовность к обсуждению конкретным модальностей возвращения России в группу.

Правильно ли будет считать упорное стремление России в «семерку» и активную работу в «Группе восьми» на протяжении полутора десятилетий внешнеполитической ошибкой или просчетом со стороны Москвы? Не лучше ли было с самого начала сосредоточиться на создании и институциональном развитии форумов с другим набором участников — БРИКС, ШОС, G20 и т. п.?

Как заинтересованный наблюдатель и, в небольшой мере, даже участник развития отношений Москвы с «семеркой» позволю ответить на эти вопросы отрицательно. Почти три десятилетия взаимодействия России с G7/G8, включая и печальный финал этого взаимодействия, стали очень важным опытом как для западной, так и для российской дипломатии. Если говорить о последней, то стоит отметить, что в рамках «восьмерки» Россия осваивала нелегкую науку многосторонней дипломатии, повышала уровень своих экспертов и чиновников, училась искусству компромиссов и взаимных уступок. Нарботанные алгоритмы взаимодействия с партнерами в «Группе восьми» уже были использованы Москвой — в том числе и в строительстве таких сложных структур как БРИКС и ШОС. Хочется надеяться, что этот опыт окажется востребованным и в будущем.

Об авторе

Кортунов Андрей Вадимович – Генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД). Член РСМД. Член Президиума РСМД.

Закончил МГИМО МИД СССР, аспирантуру Института США и Канады АН СССР, кандидат исторических наук. Работал в Институте США и Канады, в том числе директором Отдела внешней политики США и заместителем директора Института. Преподавал международные отношения в европейских и американских университетах. Возглавлял ряд российских общественных организаций и фондов в сферах высшего образования, общественных наук и социального развития.

С 2011 г. — генеральный директор РСМД. Входит в экспертные, наблюдательные и попечительские советы многих российских и международных общественных организаций, член редакционных советов нескольких академических журналов. Имеет многочисленные публикации в России и за рубежом.

Основные направления научной деятельности: международные отношения, внешняя и внутренняя политика России, российско-американские отношения.

Российский совет по международным делам

**ПОЧЕМУ «СЕМЕРКА» НЕ СТАЛА «ВОСЬМЕРКОЙ» ИЛИ
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ОТНОШЕНИЙ МОСКВЫ И «ГРУППЫ СЕМИ»
(ДРАМА В ТРЕХ АКТАХ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ)**

Рабочая тетрадь № 47/2019

Верстка — О.В. Устинкова

Источники фото на обложке:
справа наверху – Vostock Photo;
справа внизу – EPA-EFE/ANATOLY MALTSEV/Vostock Photo;
слева внизу – Vostock Photo.

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,25. Тираж 250 экз.

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)
119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1
Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
E-mail: welcome@russiancouncil.ru
www.russiancouncil.ru